

● ● ●
Смоленщина, я—внук артиллериста
И не застал немецкий артобстрел,
Но помню, говорили: смерть когтиста.
И от обиды я тогда взревел.

Взревел я оттого, что было стыдно,
Что не упасть в заснеженный окоп,
Что жизнь моя сыта, не инвалидна,
И ранит сердце пустомелей треп.

И пусть я не замковый, не наводчик,
Но есть друзья, и это мой расчёт,
Который никогда не подведёт
В кольце интриг, кредитов и рассрочек.

Смотрю назад, и выглядит холмисто
Дорога предков за моим плечом,
И надо мной, под облачным крестом,
Не солнце, а лицо Евангелиста.

Студенец

Не плачь, курносовая голуба,
Не стоит слёз твоих ведро,
И я с улыбкой водолюба
Верну пропавшее добро.

Оно лежит на дне колодца.
Помилуй, Фёдор Стратилат,
На глубину мне лезть придётся,
Подземный мир холодноват.

Читай, молельщица, прокимен—
Я ухожу в студёный свод,
Пусть будет он гостеприимен,
Ведро без грубости вернёт.

Колодец выложен по-русски:
Надѣжен, гладок и дощат,
И от испуга в скользком спуске
Молитвы скрыли перемат.

Во тьме воды менялись лица,
Я слышал крики, имена,
И думал я, что будут сниться
Мне раскулачка и война.

Окруженец

Весенний лес был полон соловьями,
Взвивался к солнцу звучный перелив,
А он сказал: «Под нашими ногами
Лежат друзья, а я остался жив.

Мы пили воду из дорожной лужи,
Мы яблочную доедали прель,
Но знали, что бывает и похуже,
И хуже стало после двух недель.

Мы обошли угрюмую пустошку,
И с голодухи нас прельстила вонь,
И мы копали сгнившую картошку,
И пулемётный в спины лил огонь,

И в поле я лежал между телами,
И мягок был под Вязьмой чернозём,
И небо омывало нас дождями,
И я простился с пленным октябрём».

● ● ●
Николаю Ивановичу Рыленкову

От московской незваной гордыни
Становлюсь я нередко свиреп
И спешу на тот берег Смядины,
Где заколот был юноша Глеб,

Где молитве, как старенькой няне,
Каждый пришлый подвластен вовек,
Где защиту находят смоляне
В теплоте страстотерпца опеки,

Где в года мировых пятилеток,
Не подвластный безбожным властям,
Проезжал мой расстрелянный предок
По дорогам из кочек и ям,

Где округа извечно смолиста,
Где все жили во имя труда,
Где встречали с войны гармониста
Божий крест и победы звезда.

Висельник

Василию Михайловичу Серкову

То время было горько-вязкое,
Дома от взглядов скрыла ночь.
Он шёл с оглядкой в Новоспасское—
Хотел увидеть сына, дочь...

За ним леса, поля ржаные,
Деревни край и в ряд снопы.
Придёт он скоро к Евдокии—
Вот изгородь, вот край избы.

Её он сам воздвиг когда-то,
Вот первое окно с резьбой.
Убрал он руку с автомата—
Вот-вот он встретится с женой.

Но не судьба, и как-то быстро
Произошёл его захват:
Соседа взгляд, крик бургомистра,
Десятки вермахта солдат.

Наутро к месту подлой казни
Он шёл по сродников земле
И горделиво, без боязни
Взглянул на солнышко в петле.

Повешен был он в Новоспасском
Под русский плач, тюрингский смех.
А с неба дождик бил по каскам,
Как будто мстил один за всех.

Каноница

Время неслышно в неведомость тронется,
Жизни земной неизвестен нам срок.
Ты убрала свои пряди в платок.
Что тебе снится, родная каноница?
Где твой избранник израненный слёт?

Видишь ли ты неприглядные яви?
Слышишь, как вой оружийный затих?
Где же погиб твой весёлый жених?
В поле под Рославлем или в Варшаве?
Кто в той атаке остался в живых?

Долгие годы жила ты в затворе.
Кто-то, как раньше, окликнет: «Сестра!»
Ты, как на фронте, спокойна, быстра,
Только не выплакать девичье горе,
Не воскресить рядового Петра.

Всех подступавших мольбами жалея,
Вечно ты ликом была весела.
Множество бед ты в себя вобрала.
Как ты любила всех, мать Пелагея!
Ты—словно Бога земная хвала.

Как же мила ты, слепая солдатка!
Ты—приходящих молитвенный тыл.
Вечер пасхальный кресты осенил,
И среди всех монастырских могил
Мне у твоей одиноко и сладко.

Диво

«Помоги мне, внучек, помоги же!»—
Воскликнула бабка у ларька.
Шаг, другой—я становился ближе,
Мы стояли в первомайской жиже,
Вот меня взяла её рука.

Платьнице старинное в горошек
И послевоенный макинтош.
Говорит: «Ну, может быть, возьмёшь
Хоть одну из четырёх матрёшек?
Мой товар намоленный хорош!»

Плечи макинтоша все в помёте,
С образом угодницы платок.
Говорит: «Родименький внучок,
Господин, товарищ, ну, возьмёте?»—
Поправляя Божий образок.

«Ты не думай, я не побирушка!
Отнесись с доверием к вещам,
Посмотри—и убедишься сам:
Это ведь счастливая игрушка.
Я тебе задёшево продам.

Дед мой хоть без ног, но ещё ловок,
Правда, выпивает и охрип.
У него из самых мягких лип
Сушатся десятки заготовок,
Только третий день замучил грипп.

Мастерит он множество фигурок,
Мне бы прикупить ему гуашь.
Вот отправил и сказал: „Продашь!“
Раздавил протезами окурков,
Он же офицер, а не торгаш.

Да, ругнёт, бывает, меня матом
И сидит, нахмурившись, один;
Вспоминает Вязьму и Берлин—
Мы же повстречались в сорок пятом,
В день его небесных именин.

На себе тогда его тащила,
Был тяжёл израненный мужик.
Я не помню отрешённый крик:
Всё звала святого Михаила—
Вот и выжил милый фронтовик.

Года два за ним носила утку,
Он ходить тогда ещё не мог.
Знаешь, дорогой ты мой внучок,
Жизнь сыграла с нами злую шутку.
Сколько я молилась—знает Бог».

Словно нимб, вокруг летали мошки
Над её покрытой головой.
Я был между миром и войной.
А в портфеле нежные матрёшки
О любви шептались фронтовой.